

---

# ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

## THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

---

УДК 34.02

DOI 10.52468/2542-1514.2021.5(3).5-19



### РЕАЛИЗАЦИЯ СТАТЬИ 67.1 КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОГО ИСТОРИКО-ПРАВОВОГО ОПЫТА\*

**М. А. Кожевина**

*Омская академия МВД России, г. Омск, Россия*

**Информация о статье**

Дата поступления –

18 февраля 2021 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2021 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2021 г.

**Ключевые слова**

Права человека, историческая

память, историческая правда,

конституционное право,

историко-правовая наука,

преемственность,

государственное единство

Выделяется совокупность теоретических, фактических и юридических оснований реализации ст. 67.1 Конституции РФ. Показывается, что синтез научного знания и исторической памяти, объектом которых является прошлое человека, общества и государства, лежит в основе юридической практики и содержит потенциал эффективной реализации субъективного права на обладание объективно выверенным знанием о прошлом и создания гарантий в получении такого знания. Научный историко-правовой опыт определяется как необходимое условие в достижении цели формирования личности и гражданина, устойчивого к незнанию и непониманию своей национальной идентичности, раскрываются возможности науки в обосновании и верификации исторических фактов, а также в определении допустимых границ их юридизации.

### IMPLEMENTATION OF ARTICLE 67.1 OF THE RUSSIAN CONSTITUTION IN THE CONTEXT OF SCIENTIFIC HISTORICAL AND LEGAL EXPERIENCE\*\*

**Marina A. Kozhevina**

*Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia*

**Article info**

Received –

2021 February 18

Accepted –

2021 June 20

Available online –

2021 September 20

**Keywords**

Human rights, historical memory,

historical truth, constitutional law,

historical and legal science,

continuity, state unity

The subject of the research is the constitutional and legal norms of Article 67.1 of the Russian Constitution. These legal norms are legal means of realizing the subjective right to possess objectively verified knowledge about the past of the state and society and providing guarantees in obtaining such knowledge.

The purpose of article is to confirm or disprove hypothesis that some historical facts have the potential of legalization and may be involved in the process of legal impact on public relations.

The methodology. A systematic approach was used in combination with historical and logical methods of cognition. It made it possible to study the theoretical, factual and legal grounds for the implementation of Article 67.1 of the Russian Constitution. The formal legal method was also used. It determined the vector of analysis of the legal source and the internal structure of the legal norms of Article 67.1, as well as the legal and technical features of their implementation and enforcement.

The main results, scope of application. The article stipulates a set of theoretical, factual and legal grounds for the implementation of Article 67.1 of the Russian Constitution. It is shown that the synthesis of scientific knowledge and historical memory, the object of which is the

---

\* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках реализации научного проекта № 20-011-00523 «Эволюция науки истории права и государства России XVIII–XX вв.».

\*\* The reported study was funded by Russian Foundation of Basic Research (RFBR), project number 20-011-00523.

past of a person, society and the state, lies at the basis of legal practice. Such synthesis contains the potential for the effective implementation of the subjective right to possess objectively verified knowledge of the past and create guarantees in obtaining such knowledge. Scientific historical and legal experience is defined as a necessary condition in achieving the goal of forming an individual and a citizen, resistant to ignorance and misunderstanding of his national identity, reveals its possibilities in substantiating and verifying a historical fact, as well as within the permissible limits of their legalization.

Conclusions. Legal matter is systematic and is strictly organized, therefore it can neither be interpreted arbitrarily, nor applied unreasonably. Article 67.1 of Russian Constitution includes four parts, each of which determines the subsequent one. These parts are also in semantic connection with other constitutional principles and declarations, which together determine the mechanism of legal regulation of a special kind of social relations - relations to the past.

The state as a subject of these relations, on the one hand, is the creator of conditions for a representative scientific search and the establishment of reliable historical facts, for the subsequent popularization of the scientific result. On the other hand, state legally fixes scientifically grounded facts of state and social development, indicating unity and continuity. Article 67.1 of the Russian Constitution represents an attempt to consolidate legally the well-established historical facts. A historical fact becomes a constant of historical heritage for society when it receives public recognition. The loss of such constant is an irreversible loss (possibly even the destruction of a part or a whole society). In this case historical fact can be defined as a historical truth and may become a subject to legalization, subsequently acquiring the status of a legal norm: principle, definitive, declarative, prescriptive or logical rule of law. The legal concept of historical truth should be perceived not as the opposite of historical untruth (lie), not in the sense of “this is good, but this is bad” and “who benefits from”, because emotionality goes beyond the legal framework. The legal concept of historical truth should be perceived as the opposite of an unscientific, hypothetically assumed, yet unproven historical fact.

## 1. Введение

Мысль о том, что «юриспруденция и история не нуждаются в единении. И хотя юриспруденция и история являются социальными явлениями, их союз сомнителен»<sup>1</sup>, прозвучавшая на страницах массовой печати в ходе полемики по поводу внесения поправок в Конституцию РФ, особенно в части, касающейся исторического прошлого, меня, историка права, несколько обескуражила и навела на размышления о том, возможен ли такой ракурс социального развития, когда компоненты (социальные институты) единого жизненного пространства сосуществуют параллельно без какой-либо перспективы соприкосновения. И при всей простоте очевидного ответа, сформулировать его оказалось не просто.

Вся острота обсуждения ст. 67.1 Конституции РФ, развернувшегося накануне всеобщего голосования, сегодня в значительной степени ослабла. Юридический факт состоялся, и активная часть общественности утратила интерес к вопросу. Однако проблема не

только не исчерпала себя принятием соответствующей статьи Основного закона, а в значительной степени углубилась, очертив достаточно широкий круг аспектов, которые требуют и от ученых-юристов, и от практиков тщательного анализа и вдумчивого осмысления в силу того, что любой закон должен действовать, способствуя реализации субъектами общественных отношений права, которое формально определено. Синтез теоретического (можно шире – научного) и обыденного знания, объектом которого является прошлое человека, общества и государства, положенный в основу юридической практики, содержит потенциал эффективной реализации не только субъективного права на обладание объективно выверенным знанием об этом прошлом, но и права на гарантии в получении такого знания.

Поэтому вступить в дискуссию с автором позиции, указанной выше в цитате, и с теми, кто ее разделяет, действительно, затея сомнительная. Важно, как нам кажется, последовательно формировать си-

<sup>1</sup> Ковальчук А. Об «исторической правде» в поправках к Конституции РФ // Закон.ру. 14.06.2020. URL: [https://zakon.ru/blog/2020/06/14/ob\\_istoricheskoy\\_pravde\\_v\\_popravkakh\\_k\\_konstitucii\\_rf](https://zakon.ru/blog/2020/06/14/ob_istoricheskoy_pravde_v_popravkakh_k_konstitucii_rf) (дата обращения: 16.01.2021).

[ru/blog/2020/06/14/ob\\_istoricheskoy\\_pravde\\_v\\_popravkakh\\_k\\_konstitucii\\_rf](https://zakon.ru/blog/2020/06/14/ob_istoricheskoy_pravde_v_popravkakh_k_konstitucii_rf) (дата обращения: 16.01.2021).

стемное понимание сложных процессов юридического быта (понятие введено в научный оборот историками права дореволюционной России) как у общества в целом, так и у каждого индивида этого сообщества. Мы в полной мере осознаем идеалистический подход и пролонгированный характер обозначенного вектора познания, однако трудно достичь благородной цели, если не сделать хотя бы пробный шаг в этом направлении. Определим несколько, как нам представляется, опорных сегментов знания, в совокупности обеспечивающих реализацию, в том числе и применение ст. 67.1 Конституции РФ.

Первый сегмент – теоретические основания реализации – вбирает комплекс положений, представляющих теоретическую конструкцию (мыслимую модель) механизма правового регулирования специфических общественных отношений – отношений к прошлому. Второй – фактические основания реализации, которые напрямую связаны с процессом установления и систематизации исторических фактов, обуславливающих целостность прошлого. И третий – юридические основания, объединяющие не только совокупность юридических фактов, служащих источником правового регулирования возникающих особого рода общественных отношений, но и факторы, влияющие на отграничение юридических и неюридических средств воздействия на эти отношения. Таким образом возможно обозначить контуры познания картины, наполненной всей палитрой красок непростой жизни человечества, а также проектировать механизм реализации и применения указанной статьи. В этой связи многомерный опыт юридической, исторической и иных гуманитарных наук играет неоспоримую роль.

## 2. Теоретические основания реализации ст. 67.1 Конституции РФ

Выделим ряд ключевых теоретических положений, необходимых для понимания сути вопроса. Во-первых, право, как социальное явление, системно по своей природе, т. е. представляет совокупность общепризнанных и общеобязательных формально определенных исторически обусловленных правил поведения (норм, догм и т. п.), находящихся во взаимосвязи и взаимодействии, представляющих единство, целостность. Положение аксиоматично, поэтому мы не делаем никаких открытий. Но если четко следовать этой правовой аксиоме, то теряется всякая целесообразность исследования и толкования, тем более реализации права вне этой совокупности.

И когда в пылу политической полемики тот или иной субъект неосознанно либо сознательно вытас-

кивает из общего правового контекста норму права или статью закона, тем более ее отдельные части, используя их в качестве аргумента в пользу своей критической позиции, то данный факт нельзя расценить иначе как невежество либо демагогию. В первом случае мы имеем дело с мнимым толкованием права, во втором – с публичным обманом, когда право становится инструментом манипуляций общественным сознанием или средством решения неблагоприятных политических целей и удовлетворения чьих-то амбиций. К сожалению, разговор о реализации ст. 67.1 общественными средствами информации сводится именно к варианту не системного осмысления, а к словоблудию, эмоциональному передергиванию фактов. Для юриста-профессионала такой подход не допустим. Правовая материя строго организована, поэтому не может ни произвольно толковаться, ни необоснованно применяться.

Статья 67.1 включает в себя четыре части, которые находятся в логической связи, каждая обуславливает последующую. В ч. 1 наполняется юридическим смыслом понятие преемственности в государственном развитии российского общества. Имеются прямые указания на то, что Российская Федерация является правопреемником СССР, т. е. государства, исторически сложившегося на территории, объединенной тысячелетней историей (ч. 2), позволяющей рассматривать ее в единстве не только как территориальную целостность, но и как пространство, где сформировалась социокультурная общность людей, у которой есть аксиологические константы и которые разрушать не допустимо (ч. 3), поэтому воспитание подрастающего поколения, физически, духовно и нравственно устойчивого к трансформациям общественного бытия, определяется как будущность, гарантирующая сохранение этого государственного единства и социокультурных ценностей (ч. 4).

Появление данной статьи в Конституции неслучайно. Ее содержание анонсировано преамбулой Основного закона еще в редакции 1993 г.: «Мы, *многонациональный народ* Российской Федерации, *соединенные общей судьбой на своей земле* (здесь и далее курсив наш. – М. К.), утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, *сохраняя исторически сложившееся государственное единство*, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, *чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству*, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической ос-

новы, *стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем Конституцию Российской Федерации*».

Акцентируя внимание на положениях (курсив), непосредственно связанных с рассматриваемой статьей, где они получили некоторую конкретизацию, не следует исключать и другие положения, находящиеся в тексте преамбулы в смысловой связке с указанными, обуславливающие комплексный механизм реализации прав и свобод личности, человека и гражданина, проживающего в многонациональном государстве с достойным историческим прошлым, имеющем внутреннее единство и факторы преемственности. Элементы этого механизма нашли юридическое закрепление как в самой Конституции РФ (прежде всего во второй главе), так и в массиве законодательства Российской Федерации общего и отраслевого правового воздействия.

Вместе с тем отметим, что мы имеем дело не с новшеством современного законодательства, а с конституционной традицией юридически закреплять в преамбуле или в статьях первых глав декларативные положения, соотносимые с основными целями общественного развития государства, указывать наиболее важные на момент принятия Основного закона характеристики, сложившейся формы государства, определять принципы регулирования общественных отношений и нравственно обусловленные ценности общности людей, исторически сложившейся на данной государственной территории и приемлющую соответствующую публичную власть. Такие юридико-технические особенности в полной мере согласуются с предметом конституционного права и социальным предназначением конституционного законодательства – воздействовать на фундаментальные, ключевые общественные отношения и определять в правовом регулировании базовые положения для государства и общества, соответственно – и для иных общественных отношений [1, с. 22–23].

Во-вторых, следует учитывать, что реализация права осуществляется в трех формах – использования субъективных прав, исполнения юридических обязанностей и соблюдения правовых запретов, а также в факультативной (особой) форме – правоприменении. Однако этот процесс не может быть дистанцирован от общего процесса осуществления [2, с. 48], или действия права [3, с. 414], под которым понимается «процесс перевода нормативности

права в упорядоченность общественных отношений» [2, с. 48] или «информационное, целемотивированное и непосредственно регулирующее воздействие на общественные отношения в пределах определенного пространства, времени и круга лиц» [3, с. 414]. В этом процессе выделяют две совокупности форм: а) формы воздействия права и б) формы реализации права, – где первая совокупность юридических форм есть внешние по отношению к воле субъекта факторы механизма правового воздействия, вторая – средства объективизации фактического поведения субъектов, раскрывающие сущность юридического эффекта и являющиеся результатом реагирования субъектов на правовое воздействие [2, с. 48]. Внешняя сторона действия права связана с формами и методами, «которыми заявляет о себе право», внутренняя – «с восприятием права его адресатами» [3, с. 414].

Таким образом, всё многообразие форм воздействия права указывает на сложное многовариантное состояние общественных отношений, возникающих между государством и личностью, даже если они объединены единым прошлым, но многоликим, как и само общество. Следовательно, внесенная в Конституцию РФ ст. 67.1 не может восприниматься юристом-профессионалом лишь как упрощенная форма государственного воздействия на волю субъекта права. Рассуждения о правде и неправде, о праве и неправде, об ответственности и безответственности и т. п., приводящие к заключению о том, что неприятие (прежде всего властью) позиции стороны-оппонента (личности, группы лиц и др.) обязательно влечет принуждение (репрессию, штраф, изоляцию от общества и т. д.), т. е. наказуемость личности именно государством, которое идеологически обосновало и юридически закрепило это право в статье Конституции РФ. Подобное суждение по меньшей мере невежество (правовое прежде всего), а в большей степени – небезобидная риторика, направленная на формирование отношений государства и общества повышенной конфликтности в решении вопросов цивилизационного развития.

В-третьих, теоретическая модель правового воздействия на общественные отношения вбирает несколько взаимосвязанных комплексов юридических средств, каждому из которых определена своя роль. Системообразующим является правовое регулирование – целевое правовое воздействие, непосредственно направленное на упорядочение общественных отношений (установление правопорядка) и осуществляемое в правотворческой и правоприме-

нительной деятельности соответствующих субъектов государственного механизма [4, с. 5; 5, с. 202; 6, с. 93]. Это те сферы правового воздействия, где государство ответственно за реализацию нормативно установленных предписаний, нашедших отражение в законодательстве или опосредованных в правоприменительных актах (индивидуализированное правовое регулирование).

Таким образом, право, как социальный регулятор, обладая охранительной функцией, организует активное (возможно, пассивное) социально значимое поведение участников общественных отношений, соотнося его с субъективными правами и обязанностями. Организующее начало правового регулирования определяет не только его социальное предназначение, но и позволяет установить пределы государственного вмешательства в жизнь социума. Памятуя о том (оговаривали ранее), что средства правового регулирования в совокупности представляют внешние факторы воздействия, то и границы этого воздействия не могут быть шире пространства проявления выраженного вовне (объективированного) поведения субъектов, т. е. только там должно осуществляться целенаправленное организационное воздействие с помощью системы правовых средств, где складываются общественные отношения, имеющие правовую природу [7, с. 54], которые отличаются определенностью и устойчивостью. Государство создает гарантии для реализации права, определяя субъектам права пределы (меру) возможного и должного поведения (а не пределы мыслям или идеям).

Однако поведение людей обуславливается не только и не столько внешними требованиями, сколько волевым началом. Факт общеизвестный, но нас он интересует лишь как посыл к размышлению о роли правового воздействия в процессе реализации норм конкретной статьи Конституции. Сознание – синкретичная область человеческого бытия – слабо поддается одностороннему внешнему влиянию. Оно формируется под воздействием прежде всего природных генетических и психических факторов, затем в процессе социализации человек, приобретая определенные знания, умения и навыки, проявляет способность обосновывать мотивы и цели поведения, принимать решения, действовать.

Право находится в числе многочисленных факторов (мораль, религия, обычай, традиция и т. д.) воздействия на сознание человека и общества. Оно выполняет, как и все социальные регуляторы, информационную, воспитательную, просветительную,

прогностическую, аксиологическую и т. п. функции. Но при всей своей силе воздействия, право, действительно, бессильно в части самостоятельного регулирования интеллектуально-психологической, эмоциональной стороны общественных отношений. В то же время оно, в отличие от иных социальных регуляторов, играет роль основного посредника (медиатора) между обществом, его социальными институтами и властью, становится своеобразным буфером, где опосредуются корреспондирующие связи, наполненные либо взаимным доверием, либо партнерством, либо неприятием, либо неверием, либо апатией, либо иными эмоциями, подталкивающими гражданское общество и государство искать компромисс, либо паритет, либо баланс, либо императив и т. д., чтобы эмоциональный фон общественной жизни не был чрезмерно омрачен неприглядными оттенками поведения субъектов. Обладая организующим потенциалом, право позволяет обществу и государству вовлечь в процесс реализации прав и свобод человека и гражданина неправовые средства, главным образом науку и экономику, имеющих интеллектуальные и материальные ресурсы, в совокупности влияющих на повышение эффективности правового воздействия и регулирования. Особенно важно участие научного сообщества в определении фактических оснований применения права.

### **3. Фактические основания реализации ст. 67.1 Конституции РФ**

Центральным звеном следует обозначить фактологию – определенную совокупность фактов, т. е. достоверных пространственных и временных координат объективно произошедших исторических событий, находящихся в хронологической связи и указывающих на строгую последовательность и сменяемость одних событий другими. Установление факта есть дело исторической науки, придание факту статуса юридического – законотворчества, ориентированного на научное знание. В этой связи возникает вопрос – могут ли преемственность, государственное единство, память предков, подвиг народа, историческая правда, историческое наследие быть историческим фактом и в последующем получить юридическую определенность в рамках правового регулирования и реализации права? Именно этот аспект попал в поле острых дискуссий о возможной юридизации эмоционально окрашенных исторических явлений.

Для обычного человека, не имеющего профессиональных исторических и юридических знаний, вопрос в такой постановке практически не разрешим, ответ в большей степени будет сформулирован

на чувственном уровне, обусловлен общими представлениями об Отечестве и его истории, патриотизме, человеческих ценностях и т. д., понятиями «хорошо / плохо», «важно / не важно», «правда / ложь», «дорого как память / не дорого», «ценно лично для меня и для всех / не ценно ни для кого» и т. п. В этом случае он реализует право свободно мыслить и свободу совести, право иметь собственное мнение, возможность выражать его публично. Основным закон гарантирует ему эти состояния (см., напр., ст. 2, 17, 21, 28, 29 и др.), тем самым не претендует на вмешательство в эту область человеческого бытия – в сознание.

Однако мысли, сформированные на основе обыденных суждений и на аналитике непроверенных фактов, могут мотивировать соответствующие действия и в отдельных случаях вывести человека за нравственные и правовые рамки социально значимого поведения. Конституция определяет эти рамки, вводит в юридическое поле неюридические понятия (к примеру, «преемственность», «государственное единство», «память предков», «подвиг народа», «историческая правда», «историческое наследие» и т. п.) и наполняет их правовым смыслом. Государство же, уполномоченное ограждать общество от неправомерного поведения отдельных граждан, должно в этих отдельных случаях задействовать всю совокупность юридических и неюридических средств, чтобы не только пресечь (правоприменение), а в значительной степени предотвратить подобное в будущем.

Превенция не столько юридическая, сколько общегуманитарная, несмотря на всю сложность реализуемости, как нам представляется, является более важной частью правовой политики государства, так как способствует прогрессивному развитию, которое невозможно без глубокого понимания большинством граждан и государственного единства, и исторической памяти, и исторической правды. В этой связи выстраивание партнерских отношений государственных институтов с институтами гражданского общества в достижении цели – создания образованного, думающего, морально устойчивого к незнанию и непониманию своей идентичности человека и гражданина – приоритетное направление в правовом воздействии и реализации субъективного права не только на обладание объективно выверенного знания о прошлом своего государства и народа, но и права на гарантии в получении такого знания.

Одной из таких гарантий нам видится широкая популяризация научного опыта познания прошлого.

И историческая наука, и юридическая, как и иные науки, оперируют знаниями, которые отличаются от ненаучных воззрений объективностью, предметностью, воспроизводимостью, доказательностью, проверяемостью. Поэтому в процессе образования и просвещения населения научное сообщество должно выступать гарантом достоверности предоставляемого исследовательского результата. Подобная гарантия тесно связана с этосом науки в классическом понимании – «аффективно окрашенным комплексом ценностей и норм», обязательных для человека науки, «формирующим научную совесть» [8, с. 769]. Научная совесть, по мнению Р. Мертонa, – основополагающее, принципиальное нравственное условие для развития науки и укрепления авторитета научного сообщества.

Однако с усложнением общественной жизни, утилитаризацией и коммерциализацией общественных отношений к концу XX – началу XXI в. границы научного пространства становятся прозрачными и научное сообщество в отдельных своих составляющих сливается с иными социальными институтами. Этот факт соотносится с началом нового периода в развитии науки, когда научная рациональность отражается не только в объективно-субъективном познании окружающей действительности, но и чутко реагирует и откликается на социальный заказ, предполагающий вовлечение научного сообщества в политику и практическую плоскость общественной жизни. Недобросовестная конкуренция, скрытый и открытый плагиат, одним словом «патология науки» на этом фоне, к сожалению, приобретает рельефные очертания. Поэтому механизм саморегуляции науки как социального института должен быть максимально эффективным, и научное сообщество должно быть непримиримым к намеренным фальсификациям и искажениям фактов, а также способствовать публичному опровержению выявленных в ходе дополнительных изысканий недостоверных сведений, представленных общественности добросовестно заблуждающимися исследователями. В этом случае допустимы широкие научные и иного рода дискуссии, как говорится – в споре рождается истина (подробнее см.: [9]).

Однако, чтобы исторический факт был доподлинно установлен наукой, необходим ряд обязательных условий и действий: осуществить сложный исследовательский процесс репрезентативной источниковой базы, содержащей первичную (не переработанную, переосмысленную) информацию о прошлом; добросовестность исследователя не должна вызывать сомнений (основной критерий – высокий

профессионализм); объективность, доказанность, проверяемость и воспроизводимость факта должны быть очевидными (гипотезы и предположения такими свойствами не обладают); публичное признание установленного факта профессиональным сообществом (прежде всего историков), популяризация научного знания о факте. И когда исторический факт получит всеобщее признание и станет для общества той постоянной величиной (константой) исторического наследия, к ним мы могли бы отнести и события, юридически обозначенные понятием «подвиг народа» (ч. 3 ст. 67.1), а значит, исторической ценностью, утрата которой будет необратимой потерей (возможно, и разрушением части или целого), тогда он может быть определен понятием исторической правды и подвержен юридизации, приобретая в последующем статус правовой нормы – нормы-принципа, нормы-дефиниции, нормы-декларации, нормы-предписания, логической нормы права и т. д. Юридическое понятие исторической правды следует воспринимать не как противоположность исторической неправды (лжи), т. е. не в смысле «это хорошо, а это плохо» и «кому выгодно» – эмоциональность выходит за рамки права, а как противоположность ненаучному, гипотетически предполагаемому, еще недоказанному историческому факту.

Государство как субъект особого рода общественных отношений – отношений к прошлому – может выступать, с одной стороны, организатором, создающим научному сообществу условия для репрезентативного научного поиска и в последующем популяризации научного результата, с другой – юридически фиксировать выявленные и научно обоснованные константы государственного и общественного развития, позволяющие наблюдать его преемственность и единство. Статья 67.1 Конституции РФ, на наш взгляд, и есть тот случай, когда государство предприняло попытку соответствующим образом отреагировать на устоявшиеся исторические факты. А введение в юридическую практику неюридических понятий – явление тоже историческое, вполне оправданное как реакция на меняющийся мир человека и его отношения к гуманистическим ценностям. Требуется время, чтобы новые понятия были адаптированы и консолидированы с юридической материей, приобрели правовой смысл. Будем надеяться, что юридическая и историческая науки откликнутся на этот запрос времени, используя междисциплинарную методологию, обоснуют правильность законодательного решения. Как отмечал в свое время немецкий историк Райнхарт Козеллек, «...появление

множества новых слов и новых значений слов – это свидетельство нового осмысления мира, и они приводят в движение весь язык» [10, с. 27].

Обратимся к опыту историко-правовой науки и выявим содержание основных понятий и категорий, раскрывающих суть ранее обозначенных процессов. Дефиниция исторического факта была выработана исторической наукой, которая имеет главное свое научное предназначение – выявлять факты прошлого и описывать их. Здесь следует уточнить – именно описывать, констатировать, а не интерпретировать факты, так как первый научный метод позволяет на основе репрезентативной источниковой базы представить последовательность происходящих событий в определенном пространстве, в определенное время и с определенными участниками, второй метод вносит в исследуемый материал субъективный, оценочный компонент, а значит, выводит исследователя за рамки факта, следовательно, интерпретация не может быть подвержена юридизации.

Итак, «исторический факт – это такое достоверное знание о событиях и процессах социального прошлого, где чувственное и рациональное знание синтезированы, а общее – обязательно облечено в единичную и особенную формы, знание, которое строго фиксировано по отношению к определенным историческим явлениям и относительно завершено в самом себе» [11, с. 192]. Исторический факт следует рассматривать как особую абстракцию, фиксирующую определенные черты эмпирического объекта [11, с. 192]. Факт есть специфическое знание, которое имеет характерные признаки: отнесенность к социальному прошлому, рациональность, достоверность и замкнутость. Факт и описание тесно связаны. Факт, выступая в форме описания, всегда обладает достоверностью, так как является единичным описанием, тогда как описание не всегда достоверно в силу того, что порой отрывается исследователем от хронологических координат и постепенно трансформируется в интерпретацию [11, с. 192].

Наукой предлагается сложная по структуре видовая классификация исторических фактов. Они разделяются на две большие группы – эпистемологические, которые выявляют тип отражаемых ситуаций, событий или процессов, и методологические (в узком смысле), разграничивающие факты на типы по способу их построения [11, с. 192]. Не углубляясь в подробности классификации, выделим лишь те виды исторических фактов, которые, на наш взгляд, попадают в поле зрения научной и практической юриспруденции. Во-первых, это экзистенциальные

факты, назначение которых – ответить на вопрос, существовало ли то или иное событие, ситуация, процесс, отдельное историческое лицо и т. п. Во-вторых, квалификационные факты, которые, в отличие от первых, указывают на то, что именно существовало и какими свойствами обладал тот или иной исторический феномен. В-третьих, количественные, или квантитативные, факты, фиксирующие те события, ситуации и процессы, которые имеют количественное выражение. В-четвертых, темпоральные и локографические, указывающие на время (хронологические рамки) и место (территорию) происшедших событий в их хронологической последовательности, а также на длительность процессов. Последняя группа фактов – актомотивированные, позволяющие установить активатор (мотив, источник) деятельности исторических персонажей, социальных групп, институционализированных организаций, сообразуя их со временем и пространством происходящих событий (фактами четвертой группы). Таким образом, мы обозначили круг исторических фактов, которые могут получить законодательное закрепление и правовую оценку. В этой связи обратим внимание на основополагающие категории истории государственного и общественного развития и сопряженные с ними понятия, введенные законодателем в ст. 67.1, к ним отнесем: «преемственность в развитии», «государственное единство», «память предков», «историческая правда», «подвиг народа».

Преемственность как неотъемлемая характеристика состояния государства и права, как объективное свойство развивающихся объектов приобрела в науке общее признание. Специальным предметом исследования отечественной юридической науки она становится в середине XIX в., когда основным определяется исторический подход к пониманию права. Сформировавшийся в середине – второй половине XIX в. опыт исторической рефлексии, на наш взгляд, современной юридической наукой и практикой может быть воспринят как классическая модель познания права и государства в их преемственных связях. Обратимся к истокам научного познания преемственности в отечественной историко-правовой науке.

Константин Алексеевич Неволин, выпускник школы профессоров М.М. Сперанского и ученик Ф.К. фон Савеньи, исходя из посыла субъективно-объективного единства исторического развития, впервые в отечественной юридической науке выделил и охарактеризовал важное свойство этого единства – его целенаправленность, обуславливающую

преемственность в развитии. На субъективном уровне – это порядок «в духе автора, сочиняющего историю», заключающийся в последовательном изложении «происшествий, случаев» с определенной прагматической целью. На объективном уровне выделяется два «порядка» – низший, «когда мы двигаемся непосредственно внутри круга исторического, не возводя наши взоры за его пределы», и высший, когда цель познания связана с выявлением причинно-следственных связей, определением закономерностей и особенностей развития права. Размышляя в этом ключе, ученый, не вводя понятия преемственности, фактически раскрывает его содержание. Им обозначаются характерные признаки преемственности, а именно: ее историческая сущность, объективный характер, последовательность и единство в развитии общественной жизни, трансляция опыта последующим поколениям не в полном объеме, а лишь в той части, которая актуализирована во времени, осуществление передачи этого опыта как в горизонтальной временной перспективе от поколения к поколению, так и от одного народа другому, т. е. в пространстве в рамках одного периода [12, с. 119–120].

Экстраполируя взгляд на общее развитие «жизни народной» в сферу права, К.А. Неволин указывает еще один важный аспект, раскрывающий не только суть права как социокультурного феномена, но и определяющий основной ракурс познавательного процесса преемственности в отечественном праве и государстве. Он ставит право в один ряд с религией, наукой, искусством и другими явлениями общественной жизни, которые находятся в неразрывной тесной связи, во взаимодействии друг с другом и взаимовлиянии друг на друга, представляют целостность, т. е. во всей своей совокупности обладают системным характером (подробнее см.: [13]).

Из вышеизложенного логично вытекает вывод о том, что преемственность – многоаспектный и многомерный факт. Она проявляется на институциональном, социокультурном, политико-правовом, материальном уровнях и т. д. На каждом уровне складывается своя совокупность фактов, подтверждающих наличие сущностных, неизменных признаков государства и права, указывающих на неоспоримость факта преемственности в государственном и общественном развитии. К этим системообразующим фактам мы бы отнесли три: народ (социокультурная общность людей, сложившаяся исторически), ограниченная территория (некое геополитическое пространство), на которой этот народ проживает, и публичная

власть (воля этого народа, опосредованная в деятельности внутренне структурированного иерархического государственного механизма и самоуправления).

Указанная триада исторических фактов определяет сущность государственного единства. Нивелируйте один из факторов – и государства как социальной организации не станет, утратится его единство, целостность, разрушится его идентичность. Меняясь внешне, по форме, государство, находясь в развитии, не меняется по сути, его общественное предназначение и целенаправленность определяется аккумулярующим понятием суверенитета (ст. 3, 4 Конституции РФ), независимости не самой по себе, а независимости как исторического факта в его временном, пространственном и субъективно-объективном единстве. В этой связи трудно согласиться с теми, кто считает, что древняя Русь, Московское государство, Российская империя, СССР и современная Российская Федерация – это разные государства, а понятия преемственности и государственного единства эфемерны [14, с. 7]. Можно присоединиться лишь к той части рассуждений, где речь идет о форме. Периоды в развитии государства, действительно, имеют различия (критерии осуществления периодизации – отдельная тема). Они обнаруживаются и в форме правления, и в форме государственного устройства, и в форме политического режима, но указывают на особенности эволюционно-революционного развития государственности (признаков уже сложившегося государства), при этом диалектического единства основных признаков не разрушают. Поэтому по сути – это одно государственное образование, где преемственным, следуя определению, является не весь политико-правовой опыт, а только та его часть, которая сохраняет государственную и социальную идентичность, питает историческую память. Введенное в конституционный текст понятие «тысячелетняя история» указывает на эту суть и как состоявшийся исторический факт не требует доказательств. А оценки и интерпретации, эмоционально и рационально наполненные, стоят за рамками закона и факта, это уже поле деятельности не законодателя, а науки и гражданского общества.

Восприятие человеком и обществом тысячелетней истории априори избирательно и соотносится с понятием памяти, т. е. неким контуром исторического знания о прошлом. Современная историческая наука определяет это состояние понятием исторической памяти (в разновидностях и на разных уровнях проявления – индивидуальная, коммуникативная, культурная и т. п.), которая имеет как личностную,

так и коллективную форму бытования. В ст. 67.1 это состояние обозначено понятием «память предков».

Обращение к прошлому – объективная потребность общества и необходимое условие его прогрессивного развития, которое находится в зависимости от степени взаимодействия компонентов триады «история – память – политика» [15, с. 9]. Прошлое как оно есть в современной жизни не может быть воспроизведено буквально, оно может быть объективировано лишь в исторических фактах и конструкциях, предлагаемых исторической наукой. Однако рамки научного знания не вмещают значимый для понимания прошлого эмоциональный контекст, сопряженный с образным воспроизведением отдельных временных отрезков или отдельных событий. Разумное сочетание научного и ненаучного восприятия прошлого позволяет политике, в основе своей нацеленной на позитивную проекцию исторического опыта в будущее, быть адекватной запросам времени. Поэтому история государства и права одновременно может быть объектом и юридической науки, и исторической памяти, и правовой политики. Но только сбалансированное взаимодействие всех трех практик может привести к должному эффекту. Без сомнения, это идеалистическая модель, которая, как представляется, нашла юридическое закрепление в ст. 67.1 Конституции РФ, реалии намного сложнее и требовательнее к гармонизации общественных отношений. В нашем случае привлекательным становится схематизм предложенного тренда, который позволяет увидеть некоторые закономерности и особенности взаимодействия научного знания с иными формами человеческого воспроизведения прошлого, где наука выполняет роль «каркаса исторической памяти, существенно участвуя в формировании “социальных рамок памяти”» [16, с. 431], а также в совокупности с ней способствует системному научно обоснованному воспроизведению исторического знания, позволяет не разрушить, а укрепить национальную идентичность личности, общества, государства (подробнее см.: [17]).

#### **4. Юридические основания реализации ст. 67.1 Конституции РФ**

Учитывая всё вышеизложенное, выделим основные юридические формы «переживания истории». В первую очередь – это сама Конституция РФ, основной источник конституционного права, предметом регулирования которого являются политические отношения [1, с. 23]. «Конституционное право применительно к обществу выполняет функции, типичные для права в целом: оно отражает существо-

вание одних политических отношений, признает нежелательными, не допускает другие, в определенной степени может прогнозировать и моделировать возникновение соответствующих общественных отношений, становясь их базой» [1, с. 25]. Конституция вбирает в себя общие положения политико-правового характера, обеспечивающие единство правового пространства и правового регулирования жизнедеятельности общества. Поэтому, в отличие от иного отраслевого законодательства, Конституция содержит приоритетно нормы-принципы, нормы-декларации, нормы-дефиниции и т. п., которые в целом воспринимаются как программные установки современного и будущего развития российского государства и общества. Вся совокупность конституционных норм позволяет в целом и в отдельных своих частях определить ракурс отраслевого законодательства, внутренне иерархичного прежде всего по юридической силе действия нормы права, а также в пределах действия права во времени, в пространстве и по кругу лиц. Принцип согласованности и непротиворечивости всех видов норм права с конституционными – определяет основу правового воздействия и правового регулирования. Сама же Конституция закрепляет механизм гарантий осуществления этого принципа (институт Президента, институт конституционной юстиции, институт правоохранительных органов и т. д.).

Обозначенные общетеоретические конструкции позволяют нам выявить место ст. 67.1 в конституционном и законодательном поле реализации права. Статья вбирает, как нам представляется, несколько разновидностей норм права: нормы-принципы (основные идеи, убеждения, положенные в основу действия), нормы-декларации (признанные исторические факты), нормы-предписания (указания на конкретное действие в рамках охраны и защиты декларируемых принципов и положений, обеспечение гарантий реализации права). К нормам-принципам мы бы отнесли следующие языковые обороты ст. 67.1: сохранять память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства (ч. 2.); чтить память защитников Отечества, защита исторической правды (ч. 3); «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России» (ч. 4). К нормам-декларациям: является правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР (ч. 1); объединенная тысячелетней историей,

признает исторически сложившееся государственное единство (ч. 2); подвиг народа при защите Отечества (ч. 3). Норма-предписание прямого действия: умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается (ч. 3). Норма-предписание опосредованного действия: государство обеспечивает защиту исторической правды (ч. 3); государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (ч. 4); государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения (ч. 4).

Таким образом, статья носит принципиально-декларативный характер, следовательно, не может находиться вне контекста системы формально определенных конституционных принципов и деклараций. Поэтому реализация ст. 67.1 возможна лишь в системном взаимодействии как минимум с 38 статьями (подсчеты наши)<sup>2</sup> настоящей Конституции РФ. Именно эта совокупность обеспечивает реализацию субъективного права на обладание объективно выверенного знания о прошлом государства и общества и права на гарантии в получении такого знания, вместе с тем устанавливает для субъекта границы возможного и должного поведения, закрепляя его обязанности и запреты на неправомерные действия, а также определяет условия наступления конституционной (в целом юридической) ответственности и механизм применения права.

Конституционные нормы права, имея общерегулятивный характер, предполагают в последующем детальное регулирование посредством отраслевого законодательства (прежде всего гражданского, административного уголовного и процессуального), а также детализации в программно-правовых источниках (государственных концепциях, стратегиях, программах и т. п.) или в правоприменении (либо обеспечить условия реализации права, либо восстановить утраченное право, либо получить компенсацию за утраченное право). Подробная аналитика указанного перечня юридических форм выходит за рамки статьи, является самостоятельной темой исследования. Мы же выделим лишь два направления, требующих, на наш взгляд, научно обоснованных юридико-технических действий: мемориальное законодотворчество и правоприменение.

<sup>2</sup> См., к примеру, ст. 3, 4, 6 (ч. 2), 13, 17, 21 (ч. 1), 29 (ч. 1), 44 (ч. 3), 45 (ч. 1), 55 (ч. 3), 56 (ч. 3), 68 (ч. 4), 75 (ч. 1) и др.

Особое место в системе законодательства и по содержанию, и по социальному предназначению имеют так называемые мемориальные законы и правовые акты, определяющие направления официальной политики памяти (мемориальной политики) [18, с. 341–342]. В различных государствах такая политика имеет свою специфику. Родоначальником в развитии этого политико-правового тренда считается Франция, в которой впервые были приняты не только законы, юридически закрепляющие отдельные исторические факты и систему запретов на расистские, антисемитские и ксенофобские действия, но сложилась правоприменительная практика с привлечением историков в качестве экспертов или свидетелей в рассмотрении дел, касающихся исторического прошлого [19, с. 287–296].

Российская Федерация не осталась в стороне от мировой практики и имеет свой опыт реализации мемориальной политики, которая отражается как в положительных, так и в отрицательных тенденциях. С одной стороны, прошлое государства и общества становится всеобщим достоянием, а историческое знание популяризируется в различных формах – создаются и получают юридическую регламентацию деятельности музеи, специализированные архивы, библиотеки, клубы, общества, публикуются сборники документов в виде бумажных и оцифрованных носителей, открывается доступ к ранее закрытым хранилищам государственных архивов, исследуется «живая история» и т. п. С другой стороны, «массовое познание прошлого» провоцирует немалое количество «конфликтов интерпретаций прошлого» [18, с. 340] и активных форм согласия или несогласия, притяжения или неприятия частью населения «отдельных историй» и исторических судеб, которые, как отмечает французский журналист С. Шаландон, «истории превращают в Историю» [19, с. 288]. Вот уж, действительно, сомнительная затея. Не погружаясь в обозначенную тематику (это отдельный разговор), определим значение исторического толкования и исторической экспертизы как специфических юридико-технических практик в мемориальном законодательстве и правоприменении. Обратимся к опыту отечественной юридической науки.

Проблема толкования закона в отечественной науке рельефно высветилась в процессе систематизации русского права к середине XIX в. А.Г. Станиславский в свое время утверждал, что «...законодательство – это жизнь... Имея перед глазами законодательство известного народа, в историческом его развитии, можем делать весьма близкие к правде,

иногда даже совершенно верные заключения о постепенном развитии этого народа» [20, с. 9]. Опыт систематизации подвигнул отечественных правоведов к теоретическим обобщениям. К началу XX в. в отечественной юридической науке сложилось полное представление о толковании права. В этой связи внимания заслуживает авторитетное мнение профессора Г. Ф. Шершеневича, который, на наш взгляд, расставил акценты и четко определил содержание понятий. Раскрывая суть толкования права, ученый выделяет те способы толкования, что в современной науке считаются признанными. Важными же в контексте нашей статьи являются его рассуждения в рамках двух вопросов: как следует толковать законы – по тому смыслу, какой они имели в момент их издания, или по тому смыслу, какой они получают в момент применения? Ученый справедливо отмечает, что второй вопрос логично вытекает из первого. Желание сделать уступку времени – это аргумент в пользу изменения законодательства, а не в пользу извращения смысла закона [21, с. 740–741].

В этой связи он обращает внимание на исторический опыт составления закона и придает огромное значение историческому толкованию, суть которого видит в сопоставлении и уяснении содержания данного закона с другими, ранее принятыми. При этом обращает внимание на нередкое отождествление его с исторической точкой зрения, которая ориентирована не на внутреннее содержание закона, а на внешние обстоятельства, побудившие законодателя издать закон. Поэтому считает недопустимым использование для уяснения закона источников, стоящих вне закона, к примеру объяснительных записок, протоколов заседаний комиссий по составлению проекта закона и т. д. Вместе с тем видит их в качестве средства для понимания намерений законодателя в процессе осмысления необходимости изменения или издания закона [21, с. 740–741]. Такой подход, по мнению ученого, позволяет толкующему закон избежать опасности подмены толкования права аналогией права и связывает историческое толкование с исторической экспертизой, которая выводит законодателя и правоприменителя за рамки закона, позволяет обусловить мотивацию принятия соответствующего решения – издания законодательного или правоприменительного акта.

Историческую экспертизу мы определили бы как средство верификации исторического факта (о чем говорилось ранее), т. е. проверки исторической информации на соответствие объективной действительности. Потребность в привлечении экспертов-ис-

ториков возникает при разных обстоятельствах. Для законодателя она важна в момент определения необходимости юридического закрепления доказанного факта исторического события, памятной даты, присвоения статуса памятных мест топонимическим объектам, установления памятников историческим личностям, определения исторической ценности историко-культурного объекта и т. п. Для правоприменителя – как дополнительное основание в определении правомерности или неправомерности поведения субъекта, нарушившего нормы права, обязывающие или запрещающие деяния, посягающие на историческое наследие или историческую память, наносящие материальный и моральный ущерб человеку, группе лиц или всему обществу в целом. К примеру, введение в Уголовный кодекс РФ ст. 354.1 «Реабилитация фашизма»<sup>3</sup> способствовало расширению опыта проведения исторических экспертиз.

Юридино-техническая особенность исторической экспертизы заключается в том, что она должна соответствовать юридическим задачам, содержать не только заключение по факту, но и научное обоснование, подтвержденное репрезентативной совокупностью первоисточников. Она не должна содержать интерпретации и оценки, только описание событий, позволяющее «понимать, а не судить» прошлое. Историческая экспертиза – это не индивидуальное, а коллективное заключение, осуществляется как правило группой профессиональных архивистов, историков, юристов и иных специалистов, глубоко погруженных в верифицируемую тему. Только такая экспертиза будет вызывать доверие, в противном случае это будет индивидуализированное мнение ученого или группы людей, увлеченных историей.

Государство располагает достаточным организационным и правовым ресурсом, чтобы получать от научного сообщества обоснованные экспертные заключения, а также придавать широкой огласке их содержание. Доступность общественности к такого рода систематизированным научным знаниям, возможно, способствовала бы минимизации полемического накала относительно истории нашего государства и общества далекой и приближенной к современности. Такого рода информация стала бы некоторым препятствием распространению мифов и слухов, к примеру, о чрезмерной «грозности» и малой значимости государственных реформ Ивана IV в момент установления ему памятника, или восприятию

советского прошлого не иначе как систему ГУЛага, где каждый советский человек либо жертва, либо палач, в лучшем случае диссидент, а суровые 1990-е гг. – не иначе как только криминальные, когда почти каждый человек либо бандит, либо бомж. Одним словом, и юристу, и историку есть повод объединить свои усилия в вопросе реализации ст. 67.1 Конституции РФ, вобравшей в лаконичной, но емкой по содержанию форме всё многообразие историко-правовых явлений, требующих своего изучения и понимания.

### 5. Выводы

Реализация ст. 67.1 Конституции РФ обусловлена совокупностью теоретических, фактических и юридических оснований. Синтез научного знания и исторической памяти, объектом которого является прошлое человека, общества и государства, лежит в основе юридической практики и содержит потенциал эффективной реализации субъективного права на обладание объективно выверенного знания о прошлом и создания гарантий в получении такого знания.

Реализация есть одна из форм действия права, вектор движения которого определяется механизмом правового воздействия и механизмом правового регулирования, имеющих пределы действия и предоставляющих совокупность правовых средств целевого назначения в упорядочивании общественных отношений, имеющих правовую природу. Системный и волевой характер этих отношений определяет способы воздействия права, среди которых различные варианты партнерских отношений государства с институтами гражданского общества. Опосредующей сферой такого партнерства является юридическая наука и практика.

Научный историко-правовой опыт следует определить как необходимое условие в достижении цели формирования личности и гражданина, устойчивого к незнанию и непониманию своей национальной идентичности [22]. Задача науки заключается в обосновании и верификации исторического факта в качестве объективного, доказанного, проверяемого и воспроизводимого исторического знания. Задача юриспруденции – в допустимых границах облекать исторические факты в различные юридические формы, обеспечивающие эффективную реализацию субъектами права.

<sup>3</sup> Введена Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С. А. Конституционное право России : учеб. курс : в 2 т. / С. А. Авакьян. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА, 2014. – Т. 1. – 864 с.
2. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе / В. М. Горшенев. – М. : Юридическая литература, 1972. – 258 с.
3. Проблемы общей теории права и государства : учеб. / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – М. : Норма, 2008. – 832 с.
4. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С. С. Алексеев. – М. : Юридическая литература, 1966. – 187 с.
5. Алексеев С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – М. : БЕК, 1995. – 320 с.
6. Общая теория государства и права : академ. курс : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2007. – Т. 3 : Государство, право, общество. – 712 с.
7. Зайцева Е. С. Пределы правового регулирования (общетеоретический аспект) : моногр. / Е. С. Зайцева. – Омск : Ом. акад. МВД России, 2020. – 152 с.
8. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / Р. К. Мертон ; пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др. – М. : АСТ : Хранитель, 2006. – 873 с.
9. Кожевина М. А. Этнос науки и современное юридическое знание: преемственность и трансформация традиций / М. А. Кожевина // Российский юридический журнал. – 2020. – № 5 (134). – С. 48–53. – DOI: 10.34076/2071-3797-2020-5-48-53.
10. Словарь основных исторических понятий : избр. ст. : в 2 т. / пер. с нем. К. Левинсон ; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле ; науч. ред. пер. Ю. Арнаутова. – 2-е изд. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – Т. 1. – 736 с.
11. Ракизов А. И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход / А. И. Ракизов. – М. : Политиздат, 1982. – 303 с.
12. Неволин К. А. Энциклопедия законоведения: Введение в энциклопедию законоведения, общая часть ее и первая половина особенной части / К. А. Неволин. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1857. – XXVI, [2], 501 с. – (Полн. собр. соч. К. Н. Неволина. Т. 1).
13. Кожевина М. А. Преемственность в русском праве: взгляд отечественных юристов XIX века / М. А. Кожевина // Научное наследие В.К. Бабаева: весомый вклад в развитие логико-гносеологических и технико-юридических проблем юридической науки : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения В.К. Бабаева (Нижний Новгород, 21–22 мая 2020 г.) / под ред. В. А. Толстика. – Н. Новгород : Нижегород. акад. МВД России, 2020. – С. 150–158.
14. Астафичев П. А. Обеспечение защиты исторической правды как новый принцип в конституционном праве современной России / П. А. Астафичев // Правоприменение. – 2020. – Т. 4, № 4. – С. 5–11. – DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).5-11.
15. Воробьева О. В. Профессиональная историография и историческая память: аспекты взаимодействия / О. В. Воробьева // Профессиональная историография и историческая память. Опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе / под ред. О. В. Воробьевой, О. Б. Леонтьевой. – М. : Аквилон 2017. – С. 9–20.
16. Савельева И. М. Знание прошлого: теория и история : в 2 т. / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – СПб. : Наука, 2003. – Т. 1 : Конструирование прошлого. – 631 с.
17. Кожевина М. А. Проблема периодизации истории отечественной юридической науки в контексте взаимодействия научного знания и исторической памяти / М. А. Кожевина // Юридические формы переживания истории: практики и пределы : моногр. / под ред. С. В. Бочкарева. – СПб. : Астерион, 2020. – С. 148–159.
18. Дорская А. А. Мемориальные законы – кризисные явления в праве или их преодоление // Юридические формы переживания истории: практики и пределы : моногр. / под ред. С. В. Бочкарева. – СПб. : Астерион, 2020. – С. 340–345.
19. Трубникова Н. В. Французская историческая школа «Анналов» / Н. В. Трубникова. – 2-е изд., испр. – М. : Квадрига, 2017. – 336 с.

20. Станиславский А. Г. О ходе законовещения в России и о результатах современного его направления : речь, произнес. в торжеств. собр. Каз. ун-та, 8 июня 1853 г. : с присовокуплением Системат. указ. соч. юрид. содержания, изд. в России с 1830 по 1852 г. включительно / А. Г. Станиславский. – СПб. : Тип. Акад. наук, 1853. – 110 с.

21. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права : в 4 вып. / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Изд. Бр. Башмаковых, 1910–1912. – 805 с.

22. Ящук Т. Ф. От истории русского права к истории государства и права СССР: трансформация науки и учебной дисциплины в 1917–1940-е гг. / Т. Ф. Ящук // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 458. – С. 261–269. – DOI: 10.17223/15617793/458/31.

## REFERENCES

1. Avak'yan S.A. *Constitutional law of Russia*, Training course, in 2 volumes, 5th ed. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2014. Vol. 1. 864 p. (In Russ.).

2. Gorshenev V.M. *Methods and organizational forms of legal regulation in a socialist society*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1972. 258 p. (In Russ.).

3. Nersesyants V.S. (ed.). *Problems of the general theory of law and state*. Moscow, Norma Publ., 2008. 832 p. (In Russ.).

4. Alekseev S.S. *The mechanism of legal regulation in a socialist state*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1966. 187 p. (In Russ.).

5. Alekseev S.S. *Theory of law*. Moscow, BEK Publ., 1995. 320 p. (In Russ.).

6. Marchenko M.N. (ed.). *General theory of state and law*, Academic course, in 3 volumes, 3rd ed. Moscow, Norma Publ., 2007. Vol. 3. 712 p. (In Russ.).

7. Zaitseva E.S. *Limits of legal regulation (general theoretical aspect)*, Monograph. Omsk, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2020. 152 p. (in Russ.).

8. Merton R.K. *Social theory and social structure*. Moscow, AST Publ., Khranitel' Publ., 2006. 873 p. (In Russ.).

9. Kozhevina M. The ethos of science and modern legal knowledge: the continuity and transformation of traditions. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Juridical Journal*, 2020, no. 5 (134), pp. 48–53. DOI: 10.34076/2071-3797-2020-5-48-53. (In Russ.).

10. Zaretsky Yu., Levinson K., Schirle I. (comps.). *Dictionary of basic historical concepts*, Selected articles, in 2 volumes, 2nd ed. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. Vol. 1. 736 p. (In Russ.).

11. Rakitov A.I. *Historical knowledge: System-gnoseological approach*. Moscow, Politizdat Publ., 1982. 303 p. (In Russ.).

12. Nevolin K.A. *Complete works*, Vol. 1. St. Petersburg, E. Prats Publ., 1857. 501 p. (In Russ.).

13. Kozhevina M.A. Continuity in Russian law: the view of Russian lawyers of the 19th century, in: Tolstik V.A. (ed.). *Nauchnoe nasledie V.K. Babaeva: vesomyi vklad v razvitie logiko-gnoseologicheskikh i tekhniko-yuridicheskikh problem yuridicheskoi nauki*, collection of articles on materials of International scientific and practical conference dedicated to 80th anniversary V.K. Babaev (Nizhny Novgorod, May 21–22, 2020), Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2020, pp. 150–158. (In Russ.).

14. Astafichev P.A. Ensuring the protection of historical truth as a new principle of contemporary Russian constitutional law. *Pravoprименение = Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 4, pp. 5–11. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).5-11. (In Russ.).

15. Vorob'eva O.V. Professional historiography and historical memory: aspects of interaction, in: Vorob'eva O.V., Leont'eva O.B. (eds.). *Professional'naya istoriografiya i istoricheskaya pamyat'. Opyt peresecheniya i vzaimodeystviya v sravnitel'no-istoricheskoi perspektive*, Moscow, Akvilon Publ., 2017, pp. 9–20. (In Russ.).

16. Savel'eva I.M., Poletaev A.V. *Knowledge of the past: theory and history*, in 2 volumes. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. Vol. 1. 631 p. (In Russ.).

17. Kozhevina M.A. The problem of periodization of the history of domestic legal science in the context of the interaction of scientific knowledge and historical memory, in: Bochkarev S.V. (ed.). *Yuridicheskie formy perezhivaniya istorii: praktiki i predely*, Monograph, St. Petersburg, Asterion Publ., 2020, pp. 148–159. (In Russ.).

18. Dorskaya A.A. Memorial laws – crisis phenomena in law or their overcoming, in: Bochkarev S.V. (ed.). *Yuridicheskie formy perezhivaniya istorii: praktiki i predely*, Monograph, St. Petersburg, Asterion Publ., 2020, pp. 340–345. (In Russ.).
19. Trubnikova N.V. *French historical school "Annals"*, 2nd ed. Moscow, Kvadriga Publ., 2017. 336 p. (In Russ.).
20. Stanislavskii A.G. *About the course of jurisprudence in Russia and the results of its modern direction*, Speech, pronounced in solemn meeting of Kazan University, June 8, 1853, With the addition of a Systematic Index of Legal Content Published in Russia from 1830 to 1852 inclusive. St. Petersburg, Academy of Sciences Publ., 1853. 110 p. (In Russ.).
21. Shershenevich G.F. *General theory of law*, in 4 issues. Moscow, Bashmakov Brothers Publ., 1910-1912. 805 p. (In Russ.).
22. Yashuk T.F. From the History of Russian Law to the History of State and Law of the USSR: The Transformation of the Science and the Academic Discipline in 1917–1940s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2020, no. 458, pp. 261–269. DOI: 10.17223/15617793/458/31. (In Russ.).

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Кожевина Марина Анатольевна** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Омской области, профессор кафедры теории и истории права и государства Омская академия МВД России  
644092, Россия, г. Омск, пр. Комарова, 7  
E-mail: kozhevina1@rambler.ru  
ORCID: 0000-0003-1302-6819

#### INFORMATION ABOUT AUTHOR

**Marina A. Kozhevina** – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Honored Scientist of the Omsk Region; Professor, Department of Theory and History of Law and State  
*Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*  
7, Komarova pr., Omsk, 644092, Russia  
E-mail: kozhevina1@rambler.ru  
ORCID: 0000-0003-1302-6819

#### БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кожевина М.А. Реализация статьи 67.1 Конституции Российской Федерации в контексте научного историко-правового опыта / М.А. Кожевина // *Правоприменение*. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 5–19. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).5-19.

#### BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kozhevina M.A. Implementation of article 67.1 of the Russian Constitution in the context of scientific historical and legal experience. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 3, pp. 5–19. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).5-19. (In Russ.).